

ИГОРЬ ГРАДОВ

МАЛЫШ

Игорь Градов

Малыш

«Автор»

2014

Градов И.

Малыш / И. Градов — «Автор», 2014

Он один в этом мире – маленький мальчик, которого все зовут Малыш. На вид ему шесть лет, но мало кто знает, что на самом деле – гораздо больше. Он мутант, и в силу странного стечения обстоятельств стал обладателем редкого дара – возможности оставаться маленьким, а также читать чужие мысли и даже чистить память. И еще он умеет двигать предметы... Но за это приходится платить – в данном случае, своим будущим. Малыш не может вырасти, у него нет друзей, нет и никогда не будет своей собственной семьи, жены и детей... Для всех он навсегда останется маленьким мальчиком. Но неужели никто не в силах ему помочь? В этом жестоком и опасном мире, в котором он вынужден жить, есть и другие люди, обладающие необычными способностями. Например, травница Мара, которую все считают ведьмой... Или Желтый Глаз, проводник в Старый город, где после войны осталось много интересных и необычных вещей. Туда, кстати, Малыш и отправляется – за книгами, ибо больше всего на свете ценит знания. Но получит он не только старые энциклопедии и справочники, но кое-что гораздо более ценное. То, что изменит всю его жизнь. А также жизнь всех людей, так или иначе с ним связанных...

© Градов И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Градов

Малыш

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава первая Хороший день

– Малыш, обедать!

Ну, вот, только начал новую главу... Я тяжело вздохнул и закрыл энциклопедию. Потом залез под кровать, приподнял одну половицу и убрал книгу в тайник. Незачем родным знать, что я читаю, а то будут еще спрашивать. Придется им лишний раз мозги чистить...

За столом я сидел один: отец, как всегда, работал в мастерской, Ник и Дара были еще в школе, до вечера не вернутся. Хорошее время – никто не мешает, можно спокойно почитать.

Я люблю энциклопедии – в них много всего, особенно о том, что было до Большой войны. Жаль только, попадаются они крайне редко. Торговцы обычно привозят из города всякую ерунду, какие-то глупые любовные романы да приключенческие повести, а научных книг и учебников очень мало. Вот и приходится по несколько раз перечитывать то, что уже имею...

Мать налила мне полную тарелку супа. В теплой водичке плавало несколько ломтиков картошки и пара кружочков лука. Негусто, конечно, но мне хватит – я ведь маленький, ем очень мало. Зато хлеба отрезала целый ломоть – только что испеченного, теплого, душистого, пахнущего печью. С поджаристой корочкой, как я люблю...

– Ну, Малыш, чем ты сегодня занимался? – привычно спросила мама.

– Да так, ничем, играл в своей комнате, – также привычно ответил я.

– Правильно, играй, – кивнула матушка, – вот скоро пойдешь в школу, тогда уже будет не до игрушек. Господин Ламес – очень строгий учитель, спуску лентяям да озорникам не дает. Зато и учит хорошо.

Мама тяжело вздохнула и начала протирать тряпкой и без того чистый стол.

– Что, учитель опять пожаловался на Ника? – догадался я.

– Да, – огорченно кивнула мама, – в который уже раз! Не хочет твой брат учиться, и все тут! Вертится на уроках, балуется, а на переменках хулиганит. Никакого сладу с ним нет! Хорошо, что хоть Дара прилежная. Вот скоро окончит учебу, пойдет работать, а ты займешь ее место в школе.

Я слегка улыбнулся – как же, прилежная! Сестра только и думает, как бы из школы поскорее выскочить да взрослую жизнь начать. И в голове у нее отнюдь не работа... Как и у моего братца, кстати.

Действительно, его что учи, что не учи – толку никакого. Вот мяч погонять или в расшибалочку поиграть – это он первый, а за партой сидеть – нет уж, увольте. Но Ник, в отличие от моей сестрицы, очень глупый, не понимает, что ему выгоднее поскорее закончить школу. Дара, напротив, быстро сообразила, что, чем скорее выучишься, тем скорее от тебя отстанут, поэтому и старается, налегает на уроки, а братец балуется и ничего не усваивает. Вот и сидит в каждом классе по два раза. Здоровый уже, целых шестнадцать лет, а все в школу ходит, смеюхота одна!

– ...вот выучишься, – продолжала между тем матушка, – станешь помощником писаря, а может, сам господин Ану тебя на службу возьмет. Будешь младшим сборщиком податей, уважаемым человеком...

Еще чего – быть подручным у господина Ану! Всю жизнь мечтал налоги собирать – отнимать у нищих последний кусок хлеба! Или еще лучше – у писаря за конторкой день-деньской стоять. Нет уж, пусть этим другие занимаются, а у меня есть дела поинтереснее.

– Как только соберем урожай, сразу отведу тебя в школу, – продолжала матушка, – надо сегодня же с господином учителем поговорить...

А вот этого мне не надо. Господин Ламес, конечно, хороший человек, старается, учит наших болванов уму-разуму, и не его беда, что ничего не получается. После войны у многих с мозгами плохо, читают и запоминают с большим трудом.

Не то, что я. Все помню, могу любую книгу наизусть пересказать, с любого места. А прочитал я их, надо сказать, уже немало...

Так что делать мне в школе совершенно нечего, да и не хочу я сидеть в одном классе с соседскими мальчишками и девчонками. Первые – в большинстве своем ужасные хулиганы и забияки, чуть что – сразу в драку лезут, это у них считается появлением мужественности и храбрости, а вторые глупы неимоверно, в головах – одни платья да украшения. К тому же учиться мне у господина Ламеса практически нечему – я уже знаю гораздо больше его. Нет, мне пока и дома хорошо – можно спокойно читать, получать новые знания.

Я не спеша доел суп и отставил тарелку.

– Спасибо, мама!

– Кушай, сыночек, а то ты у нас такой худенький!

Действительно, богатырем меня не назовешь – тощее тельце, руки и ноги – как спички. Зато голова большая, в нее много чего влезает. В моей худобе есть и свои плюсы: во-первых, не требуется много еды, а во-вторых, соседские мальчишки особенно не пристают – такого дохляка, как я, тронуть боязно. Толкнешь его, а он сразу рассыплется, отвечай потом!

Я благодарно прижался к маме, а сам незаметно почистил ее память. И с самым невинным видом произнес:

– Мама, разве ты забыла, что мне всего шесть лет? А в школу берут с семи... Рано мне еще!

Матушка посмотрела на меня чистыми, прозрачными глазами и сказала:

– Что это я! Совсем забыла, сколько моему дорогому сыночку лет! Конечно, рано тебе еще, через годик пойдешь.

Ну вот, так-то лучше. Конечно, надо потом будет и отцу память почистить, а то вдруг тоже вспомнит, сколько мне на самом деле лет. А заодно и братцу с сестрицей – на всякий случай, хотя им обычно не до меня – своих дел хватает.

– Малыш, отнеси отцу поесть, – попросила матушка и протянула котелок с похлебкой и ломоть хлеба, завернутый в чистую тряпицу. – У него сегодня много работы, обедать не придет.

– Хорошо, мама, – как послушный сын, ответил я и поспешил покинуть кухню.

У меня сегодня тоже много дел – торговцу Киру обещали привезти новые книги, надо пойти посмотреть. И сразу выбрать нужные, пока не набежали и не растащили.

* * *

Я вышел из дома и направился на рынок. Идти было всего десять минут, если не спешить.

А я и не спешил. Почему бы не прогуляться, когда день хороший? А то задует северный ветер, принесет пыль и песок из тех мест, где была война, сиди тогда дома. На улицу не выйдешь – красная взвесь забивает нос и горло, не вздохнешь. И опасно очень – от этого песка болезни разные у людей случаются. А у нас и так больных и увечных много, нормальных людей, считай, почти нет. Хотя что считать нормой...

Вот я, например. По виду – шесть лет, по сложению – доходяга, соплей перешибешь, а по уму... Без всякого хвастовства скажу – равных мне в нашем селении нет, да и во всей округе

тоже. Пожалуй, и на юге немного найдется таких, кто смог бы так же быстро читать и с первого раза всё запоминать. Кроме того, я могу двузначные числа в уме перемножать и математические задачки решать. Наш учитель Ламес, к примеру, не знает, что такое квадратное уравнение, а я знаю и очень хорошо в этом разбираюсь.

Впрочем, такие глубокие познания нашим людям ни к чему – большинство с трудом знает счет до ста, а уж о том, чтобы умножение или деление произвести, и речи быть не может. Поэтому и пользуются услугами господина Ану, который ведет ежемесячные расчеты и взимает положенные налоги. Не без некой выгоды для себя, конечно. Я отцу в этих подсчетах помогаю, подсказываю правильную цифру, а то бы он разорился совсем...

Отец хоть и старательный, день и ночь в мастерской вкалывает, но особенных денег не зарабатывает. Наша семья с трудом сводит концы с концами. Поэтому мои родители ждут не дождутся, когда Ник с Дарой пойдут работать. Может, тогда немного полегче станет.

* * *

На рыночной площади было, как всегда, шумно: торговцы громко расхваливали свой товар, покупатели ходили между рядами, выбирая и прицениваясь. Если вещь понравилась, начинался торг – каждая сторона старалась для себя.

Я привычно проскочил между деревянными прилавками и поспешил в тот ряд, где продают всякое старье. Его привозят из города коробейники – на больших машинах, называемых грузовиками. Они откапывают вещи на развалинах Старого города и все более-менее приличное продают оптом. Главным образом это посуда, одежда, какие-то сломанные, неработающие приборы, странные устройства, назначение которых давно позабыто, но встречаются и любопытные штучки. Так, совсем недавно я откопал прекрасно сохранившийся барометр и теперь сам могу предсказывать погоду. Не хуже, чем наш прорицатель Ниду...

Но главное, коробейники привозят книги. Как правило, это порванные, растрепанные тома, без многих страниц, часто обгоревшие... А что вы хотите – Большая война была, почти все библиотеки пожгли. Но изредка встречаются и почти целые экземпляры. Меня главным образом интересуют учебники по разным наукам и энциклопедии – то, что дает реальные знания. Другие покупатели обычно ищут любовные романы и приключенческие истории, но могут прихватить и энциклопедию, если в ней иллюстрации красочные. Поэтому и следовало торопиться...

По дороге я встретил старуху Мару. Как всегда, в каких-то пестрых тряпках, с грязным шерстяным платком на голове.

Этот платок она никогда не снимает, ни зимой, ни летом. Говорят, на голове у нее нет волос, одни страшные язвы – последствия Большой войны...

В руке Мара держала корзинку с лечебными травами – обменять на еду. Она у нас вроде целительницы, пользуется всех своими настоями и отварами, помогает от некоторых болезней. Конечно, в серьезных случаях мы обращаемся к лекарю, но нередко пользуемся и ее услугами. Мара живет близко и берет совсем недорого. В отличие от лекаря...

Одна только беда – не любит она меня. Точнее, Мара – единственная из всех, кто точно знает, сколько мне лет. Много раз я пытался почистить ее мозги, но бесполезно – не поддается она моему воздействию.

Мара считает меня чем-то вроде исчадия ада и при каждой встрече ругается. Вот и сейчас она трижды сплюнула и громко произнесла:

– Сгинь, бесово отродье, не приближайся ко мне!

Хорошо, что ее считают сумасшедшей и не обращают внимания. А то вдруг кто-нибудь возьмет да и спросит – почему это Петер (так зовут меня официально, но все обычно кличут

Малышом) родился раньше Ника и Дары, а до сих пор выглядит, как шестилетний? Что бы я им ответил?

Я и сам не знаю, почему так вышло. Как достиг своего нынешнего состояния, так и остановился, не взрослою уже много лет. По идее, я должен быть уже взрослым, восемнадцатилетним, иметь жену, детей. У нас рано обзаводятся семьями – чтобы успеть оставить наследников, продолжить род, но и умирают рано – в сорок пять, от силы в пятьдесят лет. Говорят, это следствие мутации, случившейся после войны.

Одна только Мара по-настоящему старая – по моим прикидкам, ей больше семидесяти лет. У нее лицо в глубоких морщинах, а руки все в мелких коричневых пятнах, как у настоящих стариков. Из наших она одна такая.

Все привыкли к Маре и внимания на ее внешность уже не обращают. К тому же многие полагают, что она колдунья и должна именно так выглядеть – как старая карга. Да какая она колдунья! Просто немного разбирается в травах и умеет лечить простые болезни, ничего трудного. А так – почти обычная женщина...

Старуха часто бывает не в себе, заговаривается и размахивает руками, поэтому все делают вид, что не замечают ее. Кому охота иметь дело с сумасшедшей? Что мне только на руку.

Я привычно попробовал прочистить Маре мозги, но снова ничего не вышло – как будто наткнулся на ежа и укололся. Старуха почувствовала мое прикосновение и громко завопила:

– Вылезь из моей головы, уродец! Не трогай меня!

Покупатели сначала обернулись на крик, но потом увидели, что это Мара, и снова занялись своими делами. Я пролез под прилавком и перебрался в другой ряд – чтобы обойти ее. Мне тоже было неприятно с ней видаться, хотя я лично против Мары ничего не имею. Наоборот, считаю ее даже полезной для нашей общины. К тому же нас всего двое таких, особенных, я и она.

* * *

У Кира толпился народ. Коробейники только что привезли товар, и каждый хотел подобрать себе что-нибудь полезное.

Кир покупает вещи оптом, а потом продает поштучно, определяя цену по своему усмотрению. Но она у него, как правило, небольшая, поэтому люди охотно идут к нему. Вот и сейчас Кир с кем-то яростно торговался, размахивая короткими, толстыми руками:

– Ну что вы, господин хороший, эта вещь стоит никак не меньше семи монет! – втолковывал он тощему субъекту.

Тот недоверчиво вертел в руках какую-то блестящую штуку и с сомнением качал головой.

– Хорошо, ради вас – пять! – уступил Кир.

– Три, – холодно бросил субъект.

Кир закатил глаза:

– Боже правый, три монеты! Да за такие деньги вы не купите и рваной подметки! Посмотрите, как блестит! Настоящий металл!

Покупатель все еще раздумывал.

– Ладно, уговорили, отдам за четыре! – сдался Кир.

Субъект размышлял. Тут торговец заметил меня и призывно замахал руками.

– Иди сюда, Малыш!

Я подошел, поздоровался.

– Скажи, Малыш, что это такое? – поинтересовался Кир, указывая на блестящую штучку.

Я определил – смеситель для горячей и холодной воды. Такие раньше, до Большой войны, были во всех городских домах, я это видел на картинке. Теперь их нет – кому они нужны, если воду приходится таскать ведрами из колодца? Но покупателю сказал:

– О, это очень важная штука, от настоящего ватерклозета!

– Вы слышали? – кивнул на меня Кир. – От ва-тер-кло-зе-та!

Он с удовольствием произнес по слогам незнакомое, заковыристое слово. Покупатель уставился на меня маленькими, колючими глазками:

– А ты, малец, откуда это знаешь?

– Папа рассказывал, – пожал я плечами, – такие вещи раньше были у всех приличных людей.

Потом посмотрел субъекту прямо в глаза:

– Вы ведь приличный человек, правда? Значит, обязательно должны купить.

Покупатель пробормотал что-то невнятное и полез за кошельком. Через секунду Кир стал богаче на четыре монеты.

– Спасибо тебе, Малыш, – поблагодарил торговец, убирая деньги, – а то я думал, что придется отдавать за три монеты. Бесплезная вещь!

– Бесплезных вещей не бывает, – возразил я, – нужно только каждой найти применение.

– Умный ты, Малыш, – с уважением произнес Кир, – знаешь много. Вырастешь, приходи ко мне работать, вместе торговать будем.

– До этого еще далеко, – весело ответил я, – когда еще вырасту!

– Ты, небось, за книгами пришел? – перешел к деловой части нашего общения Кир.

– Да, – кивнул я.

– Вон, посмотри в том мешке, я специально для тебя отложил. Знаю, что ты потолще любишь!

В мешке оказалось настоящее сокровище – целых два тома «Всемирной энциклопедии», на букву З и букву К. Прекрасно, давненько они мне не попадались. Я бережно положил обе книги к себе в сумку.

– Почитаю, а потом отдам, – заглянул я в глаза Киру, – ты же мне разрешишь?

– Конечно, Малыш, – кивнул торговец. – Ты не обманываешь, всегда возвращаешь!

Это точно – я его никогда не обманывал, всегда отдавал прочитанные книги. Да и вообще стараюсь понапрасну не лгать. Вот как с этим покупателем, например. Разве я был не прав, сказав, что смеситель – это очень важная вещь в любом городском доме?

* * *

После Кира я поспешил в мастерскую отца – надо доставить обед. Отец выглядел очень расстроенным.

– Что случилось? – спросил я.

– Бандиты опять увеличили дань, – грустно ответил отец и кивнул за окно.

Я выглянул: на противоположной стороне улицы стояла большая легковая машина, возле которой топтались три типа в черных куртках. Так, понятно – сборщики оброка из банды Юродивого.

У нас каждый платит два налога: один официальный, главе селения, второй – бандитский, который идет в карман Юродивому. А также его подручным...

Юродивый – страшный человек, жестоко выбивает деньги, все платят ему. А иначе нельзя – подойдет своих головорезов, те спалют мастерскую, а самого покалечат. Сколько раз такое уже было! Начальник стражи, господин Пак, об этом прекрасно знает, но молчит. А если к нему приходят с жалобами, отвечает – ничего не могу поделать, совсем нет людей.

Ага, как же... Ему Юродивый отстегивает нехилую сумму, вот Пак и закрывает на все глаза. А то, что Юродивый увеличил оброк, вполне понятно – у Пака дочь выходит замуж, надо устроить шикарную свадьбу. Вот Юродивый, очевидно, и решил преподнести своему другу подарок. За наш счет.

Мне стало противно: и Юродивый, и его бандиты, и Пак со своими стражниками – настоящие паразиты. Отец с утра до ночи в мастерской горбатится, а денег все равно не хватает. Зато эти жируют...

Но связываться с бандитами опасно – у них оружие. Помимо пистолетов – еще и автоматы, а также гранаты. Стражники при виде подручных Юродивого предпочитают делать вид, что ничего не замечают. Самоубийц нет.

Можно, конечно же, прочистить сборщикам оброка мозги, но это ничего не даст. У Юродивого на каждого торговца и ремесленника – своя бухгалтерия, записывает поступления. И если чего-то недосчитается – спросит строго. Требуется промыть мозги самому Юродивому, но как это сделать? Он из своей норы носа не высовывает, скрывается. И где она, эта нора? Об его убежище мало что известно, да и охраняется, наверное, отлично.

К тому же, думаю, Юродивому мозги так просто не прочистишь – он, похоже, такой же мутант, как мы с Марой. Недаром же свою кличку получил... Говорят, Юродивый может чужие мысли читать – к нему уже столько раз убийц подсылали, а он все живой. А тех наемников больше никто никогда не видел...

Подручные Юродивого о чем-то переговаривались, стоя у машины.

– Когда деньги платить? – спросил я.

– На следующей неделе, причем сразу на две сотни больше, – ответил отец. – И если не соберу – отнимут мастерскую. А где взять? Заказов мало, с трудом одну сотню и наскребу...

Он тяжело вздохнул и стал вытирать руки тряпкой.

– Ладно, Малыш, не расстраивайся, что-нибудь придумаю. В крайнем случае, займу у Саймана.

Знаю я этого Саймана – противный тип, ростовщик. Дает ссуду под большие проценты, а не вернешь вовремя – натравит тех же бандитов. Он им деньги отстегивает, а они ему помогают долги выбивать. Нет, это не выход.

Отец сел за стол, открыл котелок и стал есть, а я все смотрел на улицу. К трем бандитам подошел еще один – худой, вертлявый. Я его знал – это Фил из соседнего селения. У них там своя банда, а Фил – нечто вроде официального представителя, занимается переговорами. Важная шишка в их мире, доверенное лицо самого господина Линя. За плечами Фила маячили двое громил в комouflаже – охранники.

Бандиты стали о чем-то спорить, размахивая руками, но мне неслышно было – далеко.

– Пап, пойду, поиграю, – сказал я.

– Конечно, сынок, – кивнул отец, не отрываясь от еды, – только далеко не ходи.

– Что ты, я рядом!

Я вышел из мастерской, пересек улицу и пристроился за спиной у громил. Бандиты, как выяснилось, решали, кто должен собирать дань с торговцев на мосту. Фил доказывал, что это их территория, а главарь «наших» бандитов, толстый, рыжий Ред (кстати, правая рука Юродивого), резко возражал – мол, раньше этот мост был нашим, значит, мы и должны собирать оброк. А что теперь границы изменились, так это ничего не значит...

Нет, значит, утверждал Фил, раз территория изменилась, то и бабки теперь наши. Толстому Реду это очень не нравилось, он стал размахивать руками все энергичнее и с каждой минутой становился все краснее и краснее.

Интересно, подумал я, если дело дойдет до перестрелки, они перебьют друг друга? Начнется война, и пока бандиты будут выяснять отношения, о нас забудут. Господин Линь – очень

хитрый и опытный главарь, а оружия и людей у него не меньше, чем у Юродивого. Так что разборки продлятся как минимум недели три-четыре, и трогать нас не будут. Вот бы так случилось!

Но моим мечтам не суждено было сбыться. Покричав еще минут пять, бандиты пришли к какому-то соглашению. Значит, пора что-то делать. Я пригляделся: у одного из громил Фила подозрительно оттопыривался карман куртки. Что там? Так-так, граната. Довольно старая, но исправная. Отличная штука для разборок с конкурентами. А вот мы ее сейчас...

Я напрягся и мысленно отогнул усики, а потом осторожно попытался выдернуть кольцо. Не получается – тугое. Так, еще разочек. Спешить не надо, постепенно... Я вспотел весь, пока тянул чеку. Боек наконец освободился и сухо щелкнул по капсюлю. Громила услышал звук и сунул руку в карман. Вытащил гранату, секунду недоуменно смотрел на нее, а потом дико завопил: «Ложись!» И попытался отбросить подальше. Но было уже поздно: раздался взрыв, Фила и его охранников разметало в разные стороны.

Ред, надо отдать ему должное, среагировал мгновенно – упал на землю и прикрыл голову руками, потому и уцелел. А вот его бандитам не повезло – задело осколками.

Когда паника улеглась и крики немного стихли, люди начали выходить из мастерских – посмотреть, что случилось. Прибежал начальник стражи в сопровождении трех помощников. Ред, весь в пыли и злой, как черт, пытался объяснить, что он тут ни при чем – граната, мол, взорвалась в руках у одного из охранников Фила. Господин Пак вежливо кивал, но лицо его выражало крайнее недоверие. Действительно, как может граната взорваться сама по себе, да еще в руках таких опытных бойцов, как люди господина Линя? Не мальчишки уже, умеют обращаться с оружием.

Ред зло сплюнул под ноги (хочешь – верь, хочешь – нет, но было именно так) и приказал грузить раненых в машину. Потом сам сел за руль и повез к лекарю. Будет у того работа...

Зеваки, собравшиеся поглазеть на происшествие, стали потихоньку расходиться. Все говорили об одном – теперь Реду достанется. Ответит он за убийство перед Линем и перед Юродивым. Хорошо, если их разборки закончатся несколькими перестрелками, а то могут перерасти и в полноценную бандитскую войну, как это не раз уже бывало. Тогда счет пойдет на десятки тел.

Реду, разумеется, никто не сочувствовал – тот еще гад, всех замордовал, пусть теперь получает по полной, но и радости особой не было. Убили одного бандита, поставят на его место другого.

Одно хорошо – все получили небольшую отсрочку от платежей. А там, может быть, и власть переменится – придут другие бандиты, можно будет поторговаться по поводу дани. Говорят, господин Линь не такой жадный, как Юродивый, до последней капли никого не выжимает. В общем, что ни делается, всё к лучшему. Потому что хуже уже быть не может.

Я покрутился в толпе еще пару минут, потом меня нашел отец и загнал в мастерскую – нечего шляться по улицам, когда людей убивают. Чуть позже я забрал пустой котелок и побегал домой. А по дороге еще раз заглянул на место происшествия – тела уже убрали, один только начальник стражи господин Пак ходил и чесал пятерней в затылке. Ему было о чем подумать – как объяснить это начальству? За такие вещи по головке не погладят, наверху любят, чтобы все было тихо-мирно. А тут назревает целая война!

Впрочем, это были его проблемы, нас они не касались. А снимут жадного Пака – одним кровососом станет меньше.

Я шел домой в приподнятом настроении. Во-первых, раздобыл два тома «Всемирной энциклопедии», во-вторых, помог отцу – отсрочил платежи. Через три-четыре недели, может, он наберет достаточно денег. Или я что-нибудь еще придумаю.

Что ни говори, а хороший сегодня день, удачный. Побольше бы таких.

Глава вторая

Крыс

У меня есть ручная крыса, точнее – крыс, поскольку это мальчик. Я сам поймал его, когда тот был совсем маленький, и приручил. А теперь Крыс (так я назвал звереныша) живет в деревянной клетке, сделанной отцом, а я за ним ухаживаю.

Днем, когда дома никого нет (кроме мамы, конечно), я выпускаю его погулять. Крыс очень умный, далеко не убегает (видимо, понимает, что легко может стать чьим-то обедом) и ходит только по моей комнате. Он любит сидеть у меня на столе и смотреть, как я читаю. Иногда Крыс пытается попробовать бумагу на вкус, но я ему не даю: книги – вещи дорогие и редкие. Вы не подумайте, Крыс не голодает, я регулярно его кормлю, но бумага для него – как лакомство. Вот он и лакомится, когда меня нет – уже погрыз углы у нескольких томов. Но я на него не сержусь – он же не понимает, что портит мои книги, для него это лишь еда.

Брат с сестрой не одобряют моего увлечения. Они считают, что грызуны хороши только в качестве обеда. Да, мы иногда едим крыс, если не удастся достать нормального мяса, хотя чаще обходимся хлебом и овощами. А вот некоторые жители нашей деревни специально охотятся на грызунов и даже считают, что их мясо вкуснее и полезнее куриного, поскольку в нем меньше вредных веществ.

Определенная логика в этом есть: курица – птица глупая и клюет все, что находится на земле, в том числе и всякую дрянь, а крысы – очень умные животные, никогда не станут есть ничего заразного и вредного. Обычно крысы посылают на разведку самого молодого и неопытного из стаи, и тот пробует незнакомую пищу. А остальные смотрят и ждут. Если все прошло нормально и разведчик жив, то все приступают к обеду. А если отравился – потеря невелика... Правильный подход – стая дороже одного члена. Поэтому крысы едят только безопасную пищу, и их, если поймашь, можно варить и жарить без опасения – никакой заразы нет.

Но для меня Крыс не пища, а друг. И, если разобраться, то ближе его у меня никого нет. Отец обычно в мастерской – работает, чтобы прокормить нашу семью, а мать вечно хлопочет по хозяйству, ей не до меня. На ней и огород, и сад, и весь дом. Не говоря уже о ежедневных обязанностях – хвороста собрать, печь истопить, обед приготовить, одежду постирать, зашить, погладить...

Брат Ник и сестра Дара заняты своими делами, они почти взрослые. Меня не понимают, да и не дано им понять. Как и большинству жителей нашей деревни. Вот с Марой я бы мог поговорить по душам, она знает, что я уже взрослый. Но наша травница – сумасшедшая, к тому же ненавидит меня – за то, что я такой же, как и она, мутант. Вот и получается, что Крыс и книги – мои единственные друзья. Но с книгами особо не поговоришь, так что остается один мой питомец.

Некоторые в нашем селении заводят собак, но мы не можем себе этого позволить. Псам нужно мясо (хотя бы иногда), а где его взять? Что до кошек, то они в наших местах считаются дикими животными. Бродят, где хотят, живут, как заблагорассудится. Приручить их почти невозможно – после Большой войны они почему-то стали бояться людей и предпочитают жить на природе. Благо, зимы у нас очень мягкие, сильных морозов почти не бывает, а еды для усаых вокруг предостаточно – и птиц, и тех же самых крыс с мышами.

Кстати, врагов у наших кошек нет, вот и плодятся они со страшной силой. Скоро их станет даже больше, чем нас, людей. Есть кошек и собак в деревне не принято – традиция такая, так что они могут жить спокойно. В отличие от крыс.

Однако я отвлекся, вернемся к моему питомцу.

* * *

Как я уже сказал, Крыс очень умный. Обычно он сидит у себя в клетке и смотрит на меня черными глазами-бусинками. Если войдет кто чужой – сразу же прячется под кровать. Там у него потайной домик, который я соорудил из старой картонной коробки.

Еще Крыс любит сидеть у меня на шее. Заберется по рукаву на плечо и устроится со всеми удобствами. Мне он не мешает, и каждый из нас занимается своим делом: я читаю, он следит за обстановкой. Если услышит шаги на лестнице (а слух у него очень хороший), сразу начинает тонко попискивать – внимание, кто-то чужой. Я тогда быстро прячу книгу под кровать и беру в руки какую-нибудь безделушку: деревянную машинку, сделанную отцом, или мяч, связанный матерью из старых ниток. И делаю вид, что играю.

А чем еще, по-вашему, должен заниматься ребенок в шесть лет? Не энциклопедии же читать! И тем более не школьные учебники по естествознанию. Один раз отец случайно увидел у меня на столе «Общую физику» (забыл спрятать) и очень разволновался – думал, что я украл ее у торговцев. Пришлось соврать, что мне одолжил ее Кир, а я в ней картинки разглядываю. Иллюстрации, к слову, действительно были просто чудесные, очень яркие и красочные. Отец немного успокоился, но мне все равно пришлось память ему основательно почистить, чтобы забыл обо всем увиденном.

Еще бы! Его сын Петер в шесть лет учит теоретическую физику! Да любой взрослый в нашем селении с трудом прочтает в учебнике пару строк, не говоря уже о том, чтобы понять. Думаю, даже наш учитель, господин Ламес, в этой книге ничего не разберет. Физику у нас в школе не преподают, как и многие другие предметы: химию, биологию, географию, астрономию, всемирную историю, социологию, литературу. Вместо математики – счет до ста, сложение и вычитание, иногда, для самых умных, еще и умножение с делением, а вместо родной речи – буквари и книжки с картинками, как для самых маленьких.

Писать в деревне умеют немногие, а бегло читать – вообще единицы. Но считается, что если человек отсидел в классе положенные шесть лет, научился разбирать написанное и умеет ставить свою закорючку, то он получил среднее образование. Значит, может работать, получать зарплату и платить налоги. А это для наших властей самое главное...

Я же хочу знать гораздо больше, чем обычный ученик, и мне все интересно. Я много читаю и кое-что уже понимаю. Правда, есть темы, в которых я не до конца разобрался, но, надеюсь, скоро освою и их. К сожалению, образование мое идет медленно, ведь надо учить предметы последовательно, от простого к сложному, а это не всегда получается. Книги попадают ко мне чаще всего в разодранном виде, половины страниц нет, а те, что имеются, сильно испорчены огнем или погрызены крысами. Вот и приходится восстанавливать знания по крупицам, а это дело трудное и долгое. Но ничего, я упорный и когда-нибудь узнаю все. Насколько это возможно в наших условиях, конечно...

И тогда получу ответ – почему и как началась Большая война. Кто в этом виноват и кто первый отдал приказ нажать на кнопку. Ведь все, что касается войны, у нас считается запретной темой. О том, что было раньше, люди вспоминать не хотят. Да и некому, собственно, – настоящих стариков, кроме Мары, у нас нет, все родились после Большой войны. А с Мары что взять – она же безумная! Ходит одна, бормочет что-то себе под нос...

Истории как таковой у нас, считай, нет. Имеются лишь отдельные воспоминания, слухи, легенды, сказания... Но из них ничего не ясно: из-за чего началась война, кто с кем воевал. И главное – почему возникла мутация? Ответы на эти вопросы я и хочу получить из книг. Если, конечно, смогу их достать. А пока что читаю то, что попадется в руки. Иногда я покупаю книги, иногда беру бесплатно у торговца Кира. И листаю у себя в комнате, учусь потихоньку. А Крыс караулит, чтобы никто не вошел и лишнего не увидел.

Так что, как видите, польза от моего питомца большая – он мне и друг, и сторож. Конечно, я тоже охраняю его – от кошек, которые то и дело мелькают возле наших окон, и от братца Ника, который так и норовит отправить моего крысеныша в кастрюлю. Но это, я считаю, небольшая плата за дружбу и общение. А общаться Крыс умеет очень здорово – сядет возле уха и щекочет своими усиками. Вроде как выражает свое расположение...

Между прочим, у моего зверька очень необычный цвет – светло-серый, а не черный, как у обычных крыс. Наверное, он потомок тех подопытных грызунов, что некогда жили в лабораториях исследовательского центра, что недалеко от нашего дома.

Говорят, до войны там был большой научный институт, и в нем ставили опыты над животными, разрабатывали новые медицинские лекарства. Но во время катастрофы в него кинули бомбу, да не одну, и от лабораторий, считай, ничего не осталось – одни руины.

Ученые погибли, но подопытные крысы уцелели. Грызуны – вообще очень живучие, к тому же те, лабораторные, отличались особым умом – недаром же на них лекарства испытывали!

Я был на тех руинах, искал книги, думал, хоть что-то осталось. Но ничего не нашел – одни развалины. Голые бетонные стены, поросшие мхом, обрушенные перекрытия, провалившиеся лестницы без ступенек. Хрустящее стекло под ногами, обломки какой-то пластмассовой мебели. Пластик долго сохраняется, практически не гниет, но брать его нельзя – крошится и ломается в руках, к тому же заразный – долго хранит радиацию.

А ржавое железо в тех краях фонит до сих пор. Я радиацию нутром чую – это у меня способность такая. Потому что я мутант, наверное... Другим для измерения приборы нужны, а я сразу могу определить, сколько там рентген, есть опасность или нет. Поэтому могу свободно лазить по любым развалинам – чувствую зараженные места и обхожу их.

Но это я так, к слову. Вообще-то я из дома редко выхожу, главным образом к отцу в мастерскую да на рынок, благо, он по дороге. Я ведь мелкий и хилый, любой обидеть может. Теоретически, конечно. На самом деле, если кто ко мне пристанет, получит по полной. Я, например, могу сделать так, что человек мгновенно забудет, кто он такой и зачем здесь находится. Будет стоять столбом и озиаться по сторонам, как дурак.

К таким вещам, к счастью, я прибегаю крайне редко, только в случае крайней опасности. Всего два раза мне пришлось, и вспоминать об этом я не хочу... А соседских мальчишек и девчонок я не трогаю, даже если они обидно дразнятся и обзываются. Что с них взять, неразумных! Кроме того, я действительно выгляжу, как заморыш, – тощий, нескладный, некрасивый. Да Бог с ними, мальчишками, пусть дразнят, они же дети! Взрослому человеку (кем, по сути, я являюсь) обижаться на них не положено.

* * *

Мой брат Ник большой и глупый. Его любимые занятия – поесть и поиграть в расшибалочку. Нет, девушками, конечно, он тоже интересуется (шестнадцать лет все-таки, скоро жениться), но в меньшей степени. Он в этом году заканчивает школу и должен, по идее, найти себе невесту, чтобы уже через год сыграть свадьбу.

Но Ник этой проблемой не заморачивается. Правильно: за такого, как он, любая пойдет – здоровый, сильный, может руками железные прутья гнуть. Недаром возле него так и выются девицы – то одна к нам забежит, то другая. Мол, мать послала соли или немного муки одолжить. А сами так и вертятся в кухне, поглядывают, где Ник.

Сестра Дара усмехается, когда их видит. Но на самом деле она Нику страшно завидует – ей найти себе пару будет гораздо труднее. Во-первых, девиц у нас больше, чем парней, а во-вторых, она красотой особой не обладает. Да, симпатичная, да, стройная, но не более того. Таких, как она, у нас десятки.

Зато Дара хитрая и, в отличие от моего братца, прекрасно знает, как добиться своего. В этом году она тоже заканчивает школу (Ник два раза оставался на второй год и поэтому сидит с ней в одном классе) и должна подыскать себе пару. Пока на роль супруга она рассматривает кандидатуру Пауля, старшего сына хозяина харчевни Тима.

Пауль особого желания жениться на Даре не выказывает – гуляет с ней, на танцы ходит, но официального предложения пока не делает. Что называется, не мычит, не телится. Однако, полагаю, Дара его все-таки дожмет, потащит под венец. И потом сможет прибрать к рукам неплохое дело – харчевню старого Тима. Ведь Пауль – главный наследник, будущий владелец. Скорее всего, Дара все уже просчитала и решила, как будет вести дела. И даже распланировала свою жизнь на много лет вперед.

Ник же у нас – простая душа, живет сегодняшним днем. Далеко не заглядывает и о смысле бытия не задумывается. Братец уверен, что все само собой сложится и образуется.

Отец хочет летом отдать его в подмастерья к кузнецу, пусть делу учится, раз Бог ума не дал. Ник вроде бы не против, ему такое занятие даже нравится – с железками возиться, сталь ковать. К тому же кузнец у нас профессия очень почетная и уважаемая, да и прибыльная опять же. Люди несут починить то одно, то другое, а уж лошадь подковать или плуг поправить – самое первое дело. Так что без куска хлеба он точно не останется, и сам будет сыт, и семью прокормит.

Отец надеется, что Ник со временем заведет собственную кузню и будет содержать на старости лет его с матерью. Ну, и меня, конечно. Хотя обо мне можно не заботиться – я сам себя прокормлю. Если что – пойду в счетоводы или переписчики, а это верный заработок.

Но у Ника есть один существенный недостаток – любит пожрать. Причем не важно что, лишь бы побольше и помясистее. Что, в принципе, понятно – при его росте и весе плотное питание крайне необходимо. Но как его прокормить? В нашей семье работает один отец, денег не хватает. Мать старается экономить на всем, в том числе и на еде. Выращивает на огороде овощи и травы, делает из них супы и салаты. Но Нику они не нравятся – мясо подавай! А оно у нас очень дорогое, особенно говядина...

Поэтому Ник уже несколько раз покушался на моего Крыса. Последняя попытка была сегодня утром. Я занимался своими делами на кухне, когда услышал шум, доносящийся сверху. Через секунду из моей комнаты послышался громкий вопль Ника: «Вот зараза!»

Я опрометью бросился наверх. Плохие предчувствия меня не обманули – Ник, воспользовавшись моментом, залез в мою комнату, открыл клетку и схватил Крыса. Тому, естественно, это очень не понравилось, и он больно укусил братца за палец. Ник взвыл, как раненый зверь, и разжал кулак. Крыс мгновенно юркнул под кровать, где и затаился.

Я вбежал в комнату и увидел такую картину: братец, вооружившись метлой, пытается достать из-под кровати моего звереныша.

– Что ты делаешь! – закричал я. – Прекрати немедленно!

– Этот гад укусил меня за палец! – пожаловался Ник. – Вот я его сейчас!

– Оставь, он мой друг!

– Крыса – твой друг? – рассмеялся братец. – Да это просто кусок мяса с хвостом, ничего более! Сейчас я его достану и сварю себе суп. Хотя поем нормально, а то эти овощи до смерти надоели.

– Не трогай его, – снова попросил я.

– Да? – усмехнулся Ник. – А что ты мне сделаешь? Или маме пожалуешься? Так ее нет. Ну, кто тебе поможет? Отец в мастерской, Дара на рынке, никого нет.

– Отойди, – еще раз попросил я.

– А ты попробуй помешать! – заржал братец.

Нет, вы не думайте, Ник совсем не злой и даже по-своему любит меня, защищает от соседских мальчишек. Только ему очень нравится показывать свою силу и бахвалиться физи-

ческим превосходством. Он у нас первый боец в деревне, ни одна драка без него не обходится. Взрослые мужчины – и те его боятся, а уж со мной он может сделать все, что угодно. Плюнет – я в угол отлечу.

Ник посмотрел на меня, криво усмехнулся и легко, одним пальцем толкнул в угол. Чтобы под ногами не мешался. Вернее, это он подумал, что легко, а на самом деле вышло очень даже сильно. Я отскочил от него, как резиновый мячик от бетонной стены, и сильно приложился спиной об угол шкафа. Больно-то как! А Ник, не обращая на меня никакого внимания, занялся ловлей Крыса – залез почти весь под кровать и стал шуровать метлой, выгоняя его.

Ну, ладно, сам напросился. Я сосредоточился и проник к Нику в голову, а потом быстро стер из памяти все, что касалось последнего часа. Братец вылез из-под кровати и недоуменно уставился на меня. И еще на метлу, которую все еще держал в руках.

– Малыш, что я тут делаю? – удивленно спросил он.

– Тебе мать приказала подмести полы во всем доме, – соврал я, – вот ты и пришел, чтобы убраться. А потом головой о кровать сильно стукнулся, когда пыль выгребал. И, судя по всему, забыл обо всем...

– Тогда понятно, – кивнул Ник, – а то я никак в толк не возьму – почему сижу на полу и зачем мне метла?

– Чтобы пол подмести, – еще раз напомнил я, – причем во всем доме. Тебе мать так велела. А не сделаешь, она очень рассердится.

Надо ж было Ника хоть немного наказать за то, что он со мной сделал!

– А точно мать велела? – засомневался Ник. – Обычно у нас уборкой Дара занимается.

– Мама наказала тебя, – терпеливо пояснил я, – за то, что полез в печь и стащил хлеб. До того, как мы все сели обедать. И съел почти весь, в одиночку.

– Правда? – удивленно спросил Ник. – Что-то не припомню такого... Съел целый каравай, говоришь? А почему тогда в брюхе сытости не чувствуется?

– Здорово, ты, наверное, головой треснулся, – с сочувствием произнес я, – всю память отшибло. Было это, я тебе говорю. А то, что сытости не ощущаешь, так это понятно – мать тебя без обеда оставила. Мол, слопал весь каравай, вот и хватит тебе на день. В следующий раз будешь знать, как воровать!

Ник что-то недовольно пробурчал, но, кажется, поверил в мою версию. Он немного поводел метлой в комнате, разогнал по углам пыль, и пошел убираться дальше. А я с облегчением вздохнул.

Через некоторое время братец вообще ушел из дома – побежал с друзьями в расшибалочку играть. Я залез под кровать и позвал:

– Крыс, крысеныш, иди ко мне!

Мой друг, тихо пискнув, вылез из какой-то щели. Он весь дрожал от страха, его усики нервно дергались.

– Испугался, маленький, – погладил я его. – Ну, ничего, я тебя в обиду не дам! И съест никому не позволю.

Потом я задумался. Ник может в любой момент повторить свою попытку, а я не всегда бываю дома. Как мне защитить звереныша? Братец ведь тупой, ему не объяснишь, что это не кусок мяса, а настоящий мой друг. Что же делать?

Решение пришло само собой. Я взял клетку, вышел из дома и завернул за угол. За двором у нас росли густые кусты терновника. Вот сюда братец точно не полезет! Я протиснулся в самую их гущу, опустился на землю и поставил клетку. Потом открыл дверцу.

Крыс высунул наружу острую мордочку, осторожно поводил носом, к чему-то принюхиваясь, затем вылез и недоуменно уставился на меня глазами-бусинками: «Что мы здесь делаем, друг?»

– Теперь ты будешь жить здесь, – сказал я, – так надо. А я каждое утро стану тебя навещать и приносить еду. Конечно, в кустах намного хуже, чем у нас дома, зато гораздо безопасней. Ник тебя здесь ни за что не найдет.

Я встал и пошел домой. На душе было тяжело и пусто – только что я остался без своего любимца. Мне будет не хватать его.

Ночью меня разбудил какой-то тихий шорох. Я сплю очень чутко, могу проснуться в любую секунду.

Я услышал легкое попискивание и открыл глаза. Недалеко от меня сидел Крыс. В ярком лунном свете его силуэт был отлично виден. Ночь была жаркой, душной, и я не стал закрывать окно, вот звереныш и влез.

Крыс тихо скользнул на мою кровать, пробежал по одеялу и привычно устроился возле головы. Я улыбнулся, погладил его по спинке и пожелал спокойной ночи. А потом уснул.

Утром Крыса в комнате уже не было – очевидно, он возвратился к себе в домик. И я нисколько не жалею об этом – знаю, что он будет в безопасности. Мне очень хочется верить, что Крыс вскоре снова придет. Если захочет, конечно. Я его жду.

Глава третья

Мара и Желтый Глаз

Откуда он появился, никто не знает. Скорее всего, пришел с востока, где еще есть крупные селения и даже, по слухам, нетронутые войной города. Занимался он тем, чем занимаются у нас почти все пришлые – мелкой торговлей. Притаскивал из Старого города разные забавные штучки и продавал на рынке. Я тоже у него кое-что брал, правда, приходилось следить, чтобы вещь не сильно фонила. А то принесешь такую штучку домой и облучишь всю семью...

Свое прозвище он получил за глаза – они у него разные. Правый – нормальный, карий, а левый – желтый и с вертикальным зрачком, как у кошки. Тоже мутант... А так, в целом, он нормальный человек: руки-ноги в порядке, тело не скособоченное, ходит быстро. И даже волосы на голове есть – верный признак, что здоров.

Сколько Глазу лет, тоже никто не знал, но, на мой взгляд, было гораздо больше, чем он говорил сам – не тридцать пять, а, как минимум, все пятьдесят. Хотя выглядел далеко не старым. До него только Мара могла похвастаться своим возрастом, и вот теперь он...

Мару Желтый Глаз сразу невзлюбил – видимо, чувствовал в ней что-то такое... А ко мне относился хорошо, всегда приветливо улыбался при встрече. Он, разумеется, догадывался, что мне тоже далеко не столько лет, на сколько я выгляжу, и уж точно не шесть, раз такими штучками, как у него, интересуюсь. Но первое правило торговца гласит – не задавай лишних вопросов. Для чего человек берет тот или иной товар – его дело, тебя не касается. Твоя задача – выгодно его продать, а что там дальше с ним покупатель делать будет, не твоя забота.

Кстати, товары Желтый Глаз продавал действительно необычные и даже очень редкие. Однажды, например, приволок откуда-то настоящий микроскоп. Это была уникальная находка, учитывая, что во время Большой войны все лаборатории разбомбили. По ним и по научным центрам в первую очередь ударили – чтобы уничтожить ученых. Что было логично: нет науки – некому создавать новое вооружение, а против старого у всех защита давно имелась. Вот и не осталось в Старом городе почти никаких приборов, даже простеньких дозиметров. А они нам так нужны!

Я, допустим, радиацию носом чую, а вот остальные – нет, им приходится все приборами измерять. А дозиметр у нас один на все селение, и берегут его как величайшую ценность. Только глава стражи, господин Пак, имеет право постоянно им пользоваться – проверяет товары на рынке, не грязные ли. И, если вещи или продукты слишком фонят, приказывает их закапать в землю.

Разумеется, никто ничего не закапывает – за небольшую мзду начальник стражи пропускает абсолютно все, даже то, что фонит страшно. Такие товары не то что брать в руки, а находиться с ними рядом опасно. Самому-то господину Паку что – он такие вещи не покупает, проверит все дозиметром, а остальные...

Кстати, если быть точным, начальник стражи на рынке вообще ничего не покупает и деньги не тратит – торговцы сами дают, как некий оброк. И это помимо уплаты налогов в казну и положенной мзды нашим бандитам! Как в таких условиях торговать, уму непостижимо. Вот и приходится продавцам заламывать цены, хотя это очень невыгодно. Люди у нас в основном бедные, каждую копейку считают, и прибыли с них особой не получишь...

Так мы и живем, а точнее, выживаем. Однако я отвлекся, вернемся к рассказу о Желтом Глазе.

Он притащил однажды микроскоп, причем не учебный, не школьный, а настоящий, исследовательский. Большой, со сменными линзами и в очень хорошем состоянии. Я как увидел его, так сразу загорелся взять. Попытался сначала на Глаз воздействовать, как привык, но не получилось. Он, как и Мара, чистке мозгов не поддавался.

Что, в принципе, было понятно – мутанты друг другу в голову залезть не могут, этот фокус срабатывает только с обычными людьми. Но попробовать все же стоило – а вдруг? Желтый Глаз на меня внимательно посмотрел, неодобрительно поцокал языком и произнес:

– Ты, Малыш, со мной в такие игры не играй. Я тебя уважаю и то, что ты делаешь, понимаю. Но я твоему воздействию не поддаюсь, и эти штучки со мной не пройдут. Так что давай по нормальному, по-человечески торговаться.

С тех пор я к нему в голову не залезаю, а он со мной дружит. Если есть возможность – всегда дает хорошую скидку. В тот раз, кстати, мы почти уже сторговались, как вдруг подвалил господин Пак со своими подручными. Увидел микроскоп, и сразу загорелся его получить. Зачем он начальнику стражи – непонятно... Хотя, думаю, Пак просто понял, что это вещь редкая, дорогая, значит, можно срубить за нее хорошие денежки. Думал, что Глаз – человек новый, пришлый, испугается и отдаст без разговоров. Нашим он незнаком, кто за него вступится?

В общем, решил господин Пак свою жадную лапищу на микроскоп наложить. Однако Глаз просто так отдавать не стал – сказал, что заплатит, как положено, налог, но после продажи. Тем более что налог составлял всего четыре монет, а стоил тот микроскоп как минимум тридцать. Это по моим прикидкам, а так, может, и больше.

Господин Пак очень рассердился, но ничего поделать с Глазом с не смог – не отбирать же силой! Одно дело – малую мзду получить, и совсем другое – заниматься откровенным грабежом. Такого даже люди Юродивого себе не позволяют – прекрасно понимают, что с голого продавца взять нечего, поэтому стараются соблюдать меру. И других заставляют. Порядок, хоть и в таком виде, но у нас есть.

Господин Пак с Желтым Глазом минут десять препирался, но ничего ему не обломилось. А вокруг народ уже начал собираться, всем же интересно. Понял в конце концов наш начальник, что ничего не выйдет, плюнул и приказал микроскоп в землю закопать – мол, слишком он грязный.

Ерунда все это, я рядом стоял и то ничего не чувствовал, а господин Пак издалека дозиметром поводил и заявил, что вещь сильно фонит. Да на рынке, по правде говоря, все товары фонят, потому что они из Старого города принесенные! Вопрос лишь в дозе, а она на сей раз была небольшая, я точно знал. Иначе бы за микроскоп не торговался...

А господин Пак приказал зарыть микроскоп в землю из злости – по принципу «я здесь хозяин». Но поступил он очень нехорошо, и народ это понял. По идее, глава стражи должен прибор двум свидетелям показать, чтобы все убедились, что уровень радиации высокий, а он этого не сделал. Спрятал прибор в карман, и сказал, что стрелка якобы зашкаливает...

Народ начал шуметь – мол, нечестно это, покажи дозиметр! Стражники бросились народ успокаивать – им буза на рынке ни к чему. Господин Пак стал что-то объясняться, но ему не верили. Сколько раз он под таким видом товар отбирал, а потом потихоньку перепродавал! И не сосчитать!

В общем, торговцы стали бузить, им господин Пак давно поперек горла встал, всех достал непомерной жадностью. Стражники поняли, что дело плохо, и начали потихоньку отступать, прикрывая начальника. А Желтый Глаз под шумок исчез, причем вместе с микроскопом. Как ему это удалось (на глазах всей толпы!), никто не понял, но факт остается фактом. Испарился, и все тут. А потом больше месяца у нас не появлялся.

Но как только всё улеглось, снова притащился на рынок и опять с разными интересными штучками. Конечно, не такими уникальными, как тот микроскоп, но тоже ничего. С тех пор Глаз начал появляться у нас регулярно. Правда, до сих пор старается господину Паку на глаза не попадаться, мало ли что...

Все знают, что начальник стражи – человек злопамятный и мстительный, может какую-нибудь неприятность устроить. Как говорится, не дразни цепную собаку. А с остальными

людьми на рынке у Желтого Глаза отношения нормальные – проверяющим в лапу дает, бандитам денежку отстегивает, за место исправно платит. Претензий к нему нет.

А я после того случая его сильно зауважал – как ловко сумел нашему стражнику нос утереть! Давно пора, а то этот жирный боров совсем обнаглел – берет много, хозяином на рынке себя чувствует. Если бы не Юродивый, то точно бы всех подмял под себя. А это плохо...

* * *

Однажды я спросил у Желтого Глаза, где он берет свои штучки. Ведь такие вещи на развалинах не найдешь... Глаз помялся немного, потом ответил:

– Ладно, Малыш, тебе скажу, ты ведь мне не конкурент. Знаешь про подземку? Что раньше все главные учреждения города и исследовательские центры соединяла?

Я кивнул: про подземку многие знали, хотя редко кому довелось ею пользоваться – очень уж секретная была. До войны по ней катались лишь военные, чиновники да ученые, простых людей туда не пускали. А потом по ней вмазали бомбами...

– Так вот, – продолжал Глаз, – она, как ни странно, уцелела. Все ходы-выходы, конечно, завалило, но кое-где пробраться можно. Провалы есть и лазы всякие... Подземка ведет к бункерам, а в них много чего найти можно. В них раньше научные лаборатории размещались и склады, имущества много было... Большая часть, конечно, давно пришла в негодность – или сгнило все, или крысы погрызли, но кое-что сохранилось, причем в приличном состоянии. Вроде того микроскопа, что я притаскивал. Знают о бункерах немногие, и еще меньше там побывало. К тому же мало кто понимает, что именно нужно там искать. Наши охотники – люди простые, ищут в первую очередь консервы, лекарства, одежду, обувь, ткани, а также железки, для дела пригодные... То есть то, что можно быстро продать. Но за прошедшие годы все это уже разобрали, почти ничего не осталось. Я же смотрю в основном инструменты и приборы, и кое-что еще можно найти. Конечно, легко их не продашь, но зато, когда встретишь настоящего ценителя, вроде тебя, Малыш, за них хорошие деньги дают.

– А книги в бункерах есть? – задал я интересующий меня вопрос.

– Нет, – покачал головой Глаз, – крысы все погрызли. Бумага, кожа, ткани – плохо сохраняются, их крысы в первую очередь едят. Когда с продуктами закончат... Но вот в некоторых бункерах, говорят, стоят нетронутые сейфы, и в них может быть кое-что интересное. Сколько раз их вскрыть пытались, но без толку, ни у кого не получается. Они же стальные и вмурованы в стены, не разломаешь. По идее, взрывать надо, но нельзя – перекрытия рухнут. Балки там насквозь прогнили, вода сочится, и бетон на куски крошится. Рванешь – сразу всех завалит, в том числе и тебя.

Глаз тяжело вздохнул. Видно, мысли о сокровищах в сейфах давно не давали ему покоя.

– А вдруг в тех сейфах опасные бактерии или смертельные вирусы хранятся? – предположил я. – Результаты научных экспериментов? Разобьет случайно кто-нибудь колбу, и все, начнется страшная эпидемия...

– Кто его знает? – пожал плечами Желтый Глаз. – Документов нет, всё потеряно. Но мне лично кажется, что там деньги спрятаны. Говорят, что для них такие стальные ящики делали. Стены толстые, с цифровым кодом. Так просто не откроешь.

– Да кому они нужны, старые деньги! – усмехнулся я. – Бумажки!

– Не скажи, – задумчиво произнес Глаз, – некоторые еще в ходу, особенно на юге. Там берут и товары за них хорошие дают. Можно очень выгодный обмен произвести, если добыть. Только как сейфы вскрыть?

Мы поговорили еще минут десять, потом Глаз ушел. Он никогда не останавливался надолго в нашем поселке. Придет, скинет товар, и снова за добычей. Правильно – не нужно

платить налог за проживание и отстегивать мзду главе селения. Некоторые наши парни не раз просили Глаза взять с собой, но он всегда отказывался.

Желтый Глаз – типичный охотник, ходит один, без напарника. Риска, конечно, больше, но и выгоды тоже – не надо ни с кем делиться. К тому же нет опасности, что получишь нож в спину. А то бывали у нас случаи, когда уходили двое, а возвращался один. И добычу себе забирал...

* * *

Впрочем, я опять отвлекся, вернемся к Маре. Ее, как я уже говорил, желтый Глаз сразу невзлюбил. Говорит – не верь в ее сумасшествие, старуха, мол, совершенно нормальная, а только прикидывается, чтобы люди к ней не приставали. А сама разными делами занимается... Ее лечение травами – лишь прикрыtie, способ в доверие втереться и в дом попасть.

Ведь Мару никто не боится и в расчет не принимает – она же блаженная! Но пользуются ее услугами многие, почитай, все. Старуху всегда к себе в дом зовут, если кто заболел. Мара придет, свои настои и отвары принесет, тихонько пошепчет над больным какие-то непонятные заклинания, и, глядишь, недуг отступает.

Конечно, если дело совсем плохо, то приглашают лекаря, господина Горника. Он врач, с дипломом. Но не любят у нас его, ох, не любят... Во-первых, Горник берет много, а во-вторых, ведет себя неправильно. Смотрит на всех, как будто не люди, а не пойми кто, презрительно губу оттопыривает. Разве так можно?

Мы же не виноваты, что бедные. Почти у всех семьи большие, детей много, а денег, соответственно, мало. Что же теперь, помирать нам? Но жить-то хочется! Вот и кличут доктора только в самых крайних случаях, а так травницу приглашают, надеются на ее отвары и настойки. Мара никому не отказывает и всем помогает – и богатым, и бедным. Как может, конечно. Поэтому у нас ее ценят и уважают.

Но Глаз ненавидит Мару. Он так сразу мне сразу и сказал:

– Ты, Малыш, от травницы подальше держись, нехороший она человек.

– И так стараюсь ей на глаза не попадаться, – кивнул я, – не любит она меня. Бесовым отродьем называет!

– Это потому, – пояснил Глаз, – что Мара прочесть тебя не может.

– Как это? – не понял я.

– А так, – нахмурился Глаз, – вроде того, как ты книги читаешь. Люди для нее – что открытые страницы, взглянет – и сразу чувствует, кто о чем думает, чем озабочен и что скрывает. Ей даже не надо, как тебе, в голову влезать – по одному виду все понимает. Вот какой талант! А тебя она прочесть не может, как и меня тоже.

– Пусть читает, – пожал я плечами, – мне все равно. Я тоже своим даром часто пользуюсь. Например, родным память чищу или торговцам внушаю что-нибудь...

– Ты, Малыш, – усмехнулся Глаз, – никакой выгоды от этого не имеешь. Ну, книгу у Кира возьмешь почитать или вещь какую-нибудь дешево купишь. Это мелочь, вреда нет. А Мара, если узнает что-нибудь интересное, сразу бежит к господину Паку и докладывает. Скажем, провернул торговец удачную сделку, завелись у него деньжата, так она об этом узнаёт и начальнику стражи сообщает. И господин Пак на того торговца со своими людьми наезжает, деньги отбирает. Вроде как это добровольный взнос в казну селения... А потом он с Марой делится, часть ей отстегивает. Ты считаешь, что она с одних трав и лечения так хорошо живет? Наивный!

Я задумался. Действительно, Маре за услуги платят сушие гроши – откуда у бедняков деньги? Тем не менее, старуха явно не голодает и даже, по слухам, в ее доме есть железная пружинная кровать, дорогая вещь... А что она одевается во всякое рванье – так это может

быть лишь маскировка, чтобы не лезли. Значит, прав Глаз – старуха Паку доносит, и с этого прибыль имеет. Использует свой дар для нехороших дел...

– Кстати, а что Юродивый? – спросил я. – Тоже мутант, как мы с тобой и Мара? Умеет людям в голову залезать?

– У него другие способности, – подумав, ответил Глаз. – Он, говорят, умеет людскую злобу чувствовать. Скажем, кто-нибудь задумал его убить. Ну, чтобы власть захватить или за деньги. Таких людей Юродивый на раз вычисляет, и больше их никто никогда не видит... Возможно, Юродивый много чего умеет, но я точно не знаю. И никто не знает. О Юродивом мало что известно, он очень скрытный человек. Его даже собственные бандиты редко видят. Сидит в своем логове, как паук, и плетет паутину, ловит добычу. Кстати, я совсем не удивлюсь, если окажется, что Мара и на него работает. Она точно знает, кто у нас хозяин...

Я вспомнил: Мара нередко исчезает на несколько дней, не появляется ни на рынке, ни в селении. Она говорит, что ходит на дальне луга собирать травы. Там, мол, они чистые, войной не затронутые. Может, оно и так, но вполне может оказаться, что старуха в это время тайно посещает Юродивого. Проверить – залезть ей в голову – у меня не получится. И у Глаза, судя по всему, тоже.

* * *

Рассказ Глаза о подземных бункерах очень меня заинтересовал. А вдруг в них хранятся научные книги? Тогда можно будет многое узнать. Например, чем занимались до войны наши ученые, какое оружие изобретали. И понять, почему началась мутация. Не из-за одной же радиации, в самом деле! Все знают, что излучение скорее убивает, чем изменяет человека. Тем более за такое короткое время.

По науке, те, кто высокую дозу схватил, долго жить не могут и потомства не оставляют. А у нас с каждым годом все больше и больше мутантов... В нашей селении – уже двое, я и Мара. А если считать Глаза – то трое. И еще Юродивый... У каждого – свой дар и свои способности. Интересно это, даже очень.

В общем, загорелся я вместе с Желтым Глазом в город идти и стал его упрашивать. Глаз, разумеется, ни в какую – он и взрослых-то не берет, а тут я, заморыш. Ребенок, так сказать. Конечно, если судить по моему внешнему виду, так и есть, а по уму и сообразительности я любого взрослого за пояс заткну. Не говоря уже об умении чистить людям память.

Однажды, выбрав момент, я сказал Глазу:

– Слушай, возьми меня с собой, ты ведь ничем не рискуешь. Я тебе не конкурент, сам сказал, значит, опасности не представляю. Убить тебя не смогу – сил не хватит, отнять добычу – тоже. Значит, все, что найдем, достанется тебе. Мне нужны только научные книги и, может быть, некоторые приборы. А деньги и все ценное, что лежит в сейфах, ты себе возьмешь. Золото, платину...

– Думаешь, там есть? – нервно заерзал на скамейке Глаз.

– Конечно, – уверенно кивнул я. – Я знаю, что для науки иногда требовались золото и платина. А где их хранить? Только в сейфах. И еще в них могут лежать большие деньги – на зарплату ученым и прочие расходы. Представляешь, какие суммы там спрятаны? Миллионы!

– Толку-то что, – тяжело вздохнул Глаз, – они заперты, а шифра никто не знает. А взрывать нельзя, все рухнет. Потолки на честном слове держатся, может в любую минуту завалиться... По лабораториям столько раз бомбами долбили, просто чудо, что уцелели! И вода просочилась, проржавело все...

– Значит, надо как можно скорее их открыть и деньги с золотом забрать, – начал настаивать я, – иначе ничего потом не достанешь. А такой куш упускать просто глупо.

Глаз помолчал, обдумывая мои слова, потом произнес:

– Ладно, я возьму тебя с собой. Но сможешь ли ты открыть сейфы?

– Попытаюсь, – ответил я. – А добычу честно поделим – тебе золото и деньги, мне книги и приборы. Идет?

– Столько охотников эти сейфы открыть пробовали, – недоверчиво хмыкнул Глаз, – ни у кого не вышло. А ты придешь – раз, и готово! Что-то не верится мне!

– Дело твое, верить или нет, – пожал я плечами, – но в случае успеха ты сможешь стать очень богатым человеком. Будешь жить, где захочешь, в любой стране. С такими деньгами тебя везде примут. А при неудаче ты ничего не теряешь – возьмешь то, что мы по дороге найдем. Ты же все равно идешь за добычей? Так?

Глаз кивнул. Он продал последнюю вещь и собирался опять идти в Старый город, а пока отдыхал. И я с ним.

* * *

Мы сидели в небольшой харчевне на краю рынка. Здесь давали почти приличную еду – по крайней мере, не такую зараженную, как в других местах, и цены были умеренными. В харчевне обычно собирались рыночные торговцы, обмывали удачные сделки, отдыхали, делились новостями.

Перед Глазом стояла глиняная миска с вареными овощами и мясом, а я ел только овощи и хлеб – другая пища плохо усваивается моим организмом. К тому же я подозревал, что местные котлеты делают не из свинины, как указано в меню, а из крысятины. Или, по крайней мере, с большим добавлением крысиного мяса. А я его есть не мог...

В зале было шумно – народ плотно сидел на длинных скамьях за деревянными, грубо сколоченными столами с темными от времени и пролитого пива столешницами. Люди переговаривались, чокались тяжелыми кружками, смеялись и даже пели. Приятно после тяжелого дня расслабиться в своей компании, где тебя все знают и уважают. Можно хорошо поесть, выпить пива или вина, поболтать, не опасаясь чужих ушей...

Обстановка была уютная, почти домашняя, поэтому харчевню «Черный баран» так любил рыночный народ. В ней часто обедали и ремесленники из соседних кварталов. Мы с отцом также несколько раз заходили сюда, поэтому меня знали. Отец обычно пропускал кружку пива и ел жареный картофель, а я лакомился запеченными улитками – их отлично умеют тут готовить, да и стоят они совсем недорого. Уж этих-то брюхоногих в наших краях навалом...

Поэтому никто не удивился, когда я появился в «Черном баране» вместе с Глазом – все привыкли, что я дружу со странными людьми и бываю, где хочу. Только хозяин харчевни, старый Тим, спросил, где мой отец. Я ответил, что у себя в мастерской, и слегка почистил ему мозги. Больше вопросов мне никто не задавал.

Кстати, Тиму сорок пять лет, а выглядит он, как настоящий старик – весь седой, морщинистый, руки дрожат, голова трясется. Но старается держаться молодцом – сам обслуживает посетителей, подает еду и даже готовит. А что ему остается делать? У него жена больная, с постели не встает, да трое детей. Сыновья, конечно, по хозяйству помогают, но все равно основная работа лежит на нем. Да еще с дочерью проблема...

Двенадцатилетняя Ирма в харчевне почти не появляется, сидит за домом, во дворе или саду. Она почти не ходит – ноги не слушаются, они у нее очень тонкие и плохо гнутся. Зато Ирма чрезвычайно умная – для своего возраста, конечно. Мне нравится с ней болтать – о том, о сём. Кстати, если я был бы нормальным, здоровым парнем, то наверняка бы на ней женился – очень она мне по душе.

Ирма меня понимает, никогда не смеется над моей внешностью и внимательно слушает, что я ей рассказываю. Так хочется иногда с кем-нибудь поговорить по-настоящему, не притво-

ряясь маленьким! К сожалению, я почти лишен этой возможности – могу быть самым собой лишь с Глазом да с Ирмой, вот и все. Мало, конечно, но что делать, такая, видно, моя судьба.

Ирма догадывается, что я давно не маленький, по крайней мере – по уму. Конечно, при всех она общается со мной, как принято – как старшая девочка с шестилетним мальчиком, но наедине – как со взрослым. Мне это приятно. Я рассказываю ей о книгах, что прочитал, о слухах, которые ходят, о событиях в деревне. Ирма почти нигде, кроме дома, не бывает, лишь иногда отец с братьями возят ее на тележке в церковь, поэтому общаться со мной ей интересно.

Старый Тим нашим беседам не препятствует, понимает, что для дочери это почти единственная радость в жизни. У Ирмы подруг нет, и в школу она никогда не ходила. Но читать умеет – я ее научил. Старый Тим думает, что она сама освоила грамоту, поэтому очень гордится своей умной дочерью.

Он, кстати, очень хороший человек, трогательно заботится о больной жене, о детях. Тим много работает, чтобы прокормить большую семью. С раннего утра и до поздней ночи – за прилавком в харчевне или на кухне. И жарит сам, и посетителям подает, и убирает – все делает. Сыновья, конечно, тоже без дела не сидят, но они обычные парни, и в головах у них одно – девушки да танцы. Понять их можно – возраст подходит, пора жениться, семью заводить.

Тим, в общем-то, согласен – ему нужны внуки, чтобы было кому передать дело. Еще лет пять-шесть, и он умрет, нужно, чтобы к этому времени в доме была настоящая хозяйка. Дай Бог, чтобы Дара вышла замуж за Пауля, тогда харчевня точно окажется в надежных руках. А мы с Ирмой будем родственниками и сможем общаться, сколько захотим...

Харчевня «Черный баран» удобна еще и тем, что в ней почти никогда не бывают стражники. Для них существует свое питейное заведение, в центре селения, недалеко от дома господина Пака. И содержит его, как вы сами догадываетесь, жена нашего главного стражника. Вот такой у них семейный бизнес.

* * *

... Народ постепенно прибывал, и на лавочках, стоящих вдоль столов, становилось совсем тесно. Сидели плотно, локоть к локтю, и воздух в помещении стал густым и тяжелым – от табачного дыма и разгоряченных пивом посетителей. Гости много ели, пили, курили, причем все это – одновременно.

Неожиданно в зале появилась старуха Мара. Что она здесь забыла – Бог знает. В такие места наши женщины обычно не ходят, а тем более пожилые, это считается неприличным. «Черный баран» – исключительно мужское заведение, для рыночных торговцев. Но она, тем не менее, пришла. Гости увидели травницу, недоуменно переглянулись и замолчали. Разговоры на мгновенье смолкли, но через некоторое время возобновились. Это же сумасшедшая Мара, целительница, что ее опасаться! Люди повернулись друг к другу и опять занялись едой и сплетнями.

Мы с Глазом сидели в самом углу. Нас, к счастью, почти не было видно, и справа, и слева плотно прикрывали другие посетители. При появлении Мары Глаз толкнул локтем меня в бок и показал глазами – смотри, кто пришел! Я постарался забиться еще дальше в угол и стать совсем невидимым. Не хватало еще здесь слушать ее брань! Глаз тоже опустил голову пониже и усиленно занялся едой. Ему присутствие травницы также было неприятно.

Мы оба надеялись, что Мара нас не заметит, но ошиблись. Каким-то шестым чувством она нас учуяла и сразу направилась к нашему столу.

– А, спрятались, голубчики, – противным голосом начала она, – думали, что старая Мара вас не заметит! А я все вижу, все знаю!

– Что ты знаешь, старуха? – грубо спросил, не отрываясь от тарелки, Желтый Глаз.

– То, что про тебя говорят, – бросила ему в лицо Мара. – Например, что ты можешь по-особому видеть.

– Могу, – пожал плечами Глаз, – тоже мне секрет!

И он коснулся своего левого, желтого глаза с вертикальным, как у кошки, зрачком.

– Об этом все знают, и я, собственно, не скрываю. Наоборот, если бы не эта способность, добычей не занимался бы. В Старом городе есть такие места, куда без особого зрения лучше не соваться. Схватишь большую дозу, и все, считай, покойник. Вот глаз и нужен – грязные места видеть.

– Нет, я о другом говорю, – ехидно улыбнулась Мара, – я слышала, что ты можешь мутантов видеть. Якобы разу понимаешь, кто перед тобой – обычный человек или мутант. Как, например, тот парень, что сейчас рядом с тобой сидит.

– Ты про Малыша, что ли? – протянул Глаз. – Какой он мутант! Так, обычный мальчишка, хотя и очень хилый. Недокормыш...

– А что он тут делает? – начала допытываться Мара.

– Я его угощаю, – ответил Глаз. – Кормлю.

– С каких это пор ты таким добреньким стал? – усмехнулась травница. – Что-то не припоминаю, чтобы ты раньше кого-нибудь пожалел. А Малыша вот кормишь...

– Его отец для меня отличную вещь сделал, – пояснил Глаз, – и я решил оплатить добром за добро. Это помимо денег. С хорошим мастером нужно дружить, пригодится.

Глаз не соврал – мой отец действительно выполнил для него срочный заказ – сделал особые ботинки на толстой подошве, чтобы можно было по битому стеклу и кирпичу ходить. Старый город почти весь в руинах, улицы завалены всяким мусором. В обычной обуви не пройдешь – порвется сразу, ногу себе распорешь. Какая тогда охота!

Папаша же мой – мастер на все руки, умеет надежные вещи делать – хоть теплую зимнюю куртку, хоть ботинки на особой подошве. Давай кожу, ткань, и будет тебе отличная амуниция. Отец часто берется перешивать вещи, принесенные из Старого города, подгоняет их под фигуру и делает это очень здорово, клиенты всегда довольны. А сапоги и ботинки он просто отлично тачает – точно по ноге, не жмут никогда. Поэтому в деревне его считают настоящим мастером. Мастер Дан...

Правда, в последнее время заказов стало мало – прошлый год выдался неурожайным, пшеницы и картофеля собрали меньше обычного, и наши селяне с трудом протянули холодную, длинную зиму. А впереди еще целое лето, надо дожить, собрать урожай, продать перекупщикам... Вот и нет пока ни у кого денег, следовательно, и заказов почти нет.

Платить же за аренду мастерской надо, на лапу стражникам давать надо, подручным Юродивого отстегивать тоже надо... В общем, крутись, как хочешь. Однако я отвлекся. Старуха между тем не отходила от нашего стола, все продолжала допытываться у Глаза:

– Малыш не простой мальчик, – тянула она, – мутант! Бесово отродье! Смотри сам!

– Брось, – морщился Глаз, – ну какой он мутант! Так, пацаненок. А то, что тощенький да слабый, так понятно. Семья у него большая, а работает лишь один отец, мастер Дан. Ясно, что денег в доме нет. Вот я и подкармливаю его. Хорошее дело всегда зачтется, это все знают. И вообще – что привязалась к нам, иди своей дорогой! Видишь – мы обедаем.

– Точно, Мара, – вступил в разговор хозяин харчевни Тим, – что ты людям есть не даешь? Подумаешь, мутант... Вот у меня дочь тоже едва ходит, так она – мутантка?

– Нет, – покачала головой Мара, – твоя дочь нормальная, а вот он (старуха кивнула на меня) неизвестно кто. С виду человек, а не самом деле...

Атмосфера стала накаляться, все в зале уже смотрели на нас. Нам с Глазом такое внимание было ни к чему, и я решил уладить ситуацию. Для чего привычно притворился маленьким, испуганным мальчиком – сморщил лицо и противно заныл:

– Дядя Тим, я боюсь злой тети! Чего она на меня так смотрит?

– Старуха, отойди, – зашумели соседи за столом, – не пугай мальчика! Чего к людям привязалась? Еще непонятно, кто из вас больший мутант – он или ты. Петер маленький, шесть годков всего, а ты давно живешь, почитай, дольше всех в нашей деревне. Почему так? Все умирают, а ты все скрипишь и скрипишь, как будто смерти на тебя нет. Неясно!

Мара почувствовала, что общественное мнение не на ее стороне, и зло сплюнула:

– Вы его защищаете, а сами не знаете, что он делать умеет! Прочистит вам мозги, и будете под его дудку плясать!

– О чем это она, дядя Тим? – еще громче заныл я. – Я ничего не чищу, никаких мозгов... И вообще – я еще маленький, даже в школу не хожу!

– Не бойся, сынок, – успокоил меня хозяин харчевни, – это старуха со злости говорит. Глупая она, видать, совсем из ума выжила!

И приказал Маре:

– Ты, травница, мне посетителей не пугай. Я тебя уважаю, да и другие тоже, но мы здесь отдыхаем и слушать тебя не хотим. Уходи!

Мара прошептала какие-то ругательства, но спорить не стала – повернулась и пошла к выходу. Желтый Глаз вздохнул с облегчением:

– Кажется, обошлось. А то я уж думал, что придется ноги уносить. Не люблю с ней встречаться!

– Значит, это правда, что она про тебя говорила? – тихо спросил я. – Что можешь мутантов чувствовать?

– Могу, – нехотя кивнул Глаз. – Есть у меня такая способность. Поэтому и тебя с Марой на раз вычислил.

– И радиацию видишь?

– Да, – кивнул Глаз, – когда левым глазом смотрю. Улицы по-особому светиться начинают, и чем ярче, тем, значит, сильнее заражение. Это очень полезно в Старом городе, где много грязных мест.

Мы помолчали, каждый думал о своем. Затем Глаз осторожно спросил:

– Ты всем мозги можешь чистить, Малыш?

– Всем, кроме мутантов, – честно признался я, – вроде тебя и Мары.

– Это хорошо, – кивнул Глаз, – пригодится. Ладно, возьму я тебя с собой, но с двумя условиями. Первое: если вскроем сейфы, все деньги и драгоценности – мои, а приборы и книги – твои. Как сам предложил. Идет?

Я кивнул. Если мне удастся добыть настоящие научные книги...

– Второе, – продолжил Глаз, – ты мне поможешь разобраться с одним человеком. Залезешь к нему в голову и сотрешь всю память обо мне.

– Но она через некоторое время восстановится, не могу удалять воспоминания навсегда, – честно признался я.

– Неважно, – махнул рукой Глаз, – пусть восстанавливается. Мне надо, чтобы он обо мне забыл хотя бы на два-три месяца. А там пусть вспоминает, я уже буду далеко. Если, конечно, наше дело с тобой выгорит...

На этом мы и порешили. Договор был заключен и торжественно скреплен рукопожатием, как принято в нашем селении. Мы посидели в харчевне еще минут десять, доели все, и Глаз расплатился.

– Завтра я иду в город, – объявил он. – Приходи к восьми утра к старой мельнице. Оттуда и двинем.

Я кивнул – буду.

– А твои родители шум не поднимут? – занервничал Глаз. – Вдруг решат, что я тебя похитил?

– Нет, – успокоил я его, – я им мозги почищу, внушу, что на пару дней в гости к маминой сестре, тете Лане, пойду. Они и не заметят.

– Ну, тогда все нормально, – кивнул Глаз. – Значит, завтра с утра выступаем.

Мы простились и разошлись. Глаз направился на рынок, чтобы купить кое-какие вещи, нужные для похода, а я отправился домой. Мне надо было собрать с собой вещи и почистить родным мозги. Чтобы в самом деле не забеспокоились и не стали искать. Нам такие вещи ни к чему.

Глава четвертая

Старый город

Тех, кто идет в Старый город, можно разделить на две категории – «кроты» и «крысы». Первые работают группами по несколько человек и гребут все подряд – что можно продать. Как правило, это молодые, здоровые парни, которые легко способны разобрать многометровый завал и откопать погребенный под грудой битого кирпича и бетона склад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.